

ПОКА НИКТО НЕ ВИДИТ

ЕГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО ЛЮБИТЬ

ЭЛАРА КИРШ

18+

Элара Кирш

Пока никто не видит.

Его нельзя было любить

<https://litres.ru/74260637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Брайса знают миллионы. Для них он — улыбка, опасные трюки и идеальное тело в кадре. Для Тани — парень, который после выключения камер хромотает от боли и больше всего боится, что его увидят настоящим.

Рядом с Таней Брайсу впервые не нужно притворяться неуязвимым, а она впервые перестаёт чувствовать себя лишней.

Их любовь возможна, только, пока она остается тайной.

В сеть возвращается прошлое Брайса — прошлое, о котором он не смог рассказать даже Тане. И теперь она не знает, что страшнее: увиденное или его молчание.

Можно ли простить любимому человеку правду, которую он скрыл, — и выдержать ту, которую ещё только предстоит узнать?

Самое настоящее начинается, только когда никто не видит.

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	56
Глава 5	81
Глава 6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Элара Кирш

Пока никто не видит.

Его нельзя было любить

Дисклеймер

Возрастное ограничение: 18+

Все персонажи, события, платформы и организации, упомянутые в книге, вымышлены. Любое сходство с реальными людьми или компаниями случайно.

Книга содержит описание зависимости, эмоционального насилия, травли в сети и коммерческой сексуализации семнадцатилетнего персонажа. В тексте нет откровенных сексуальных сцен с участием несовершеннолетнего. Автор не одобряет и не романтизирует эксплуатацию.

Пролог

Брайс

В 4:17 утра платформа перечислила ему 18 642 доллара 9 центов. Брайс посмотрел на сумму и почувствовал горечь на кончике языка, хотя кофе ещё не пил.

«Автоматическая выплата завершена», — сообщал экран.

Подписки. Продления. Доступ к архиву.

Восемнадцать тысяч шестьсот сорок два доллара за неделю. Хватит на первый платёж клинике, счета матери и ещё останется в резерве.

Брайс открыл детализацию.

Лучше бы не открывал.

В строке «Самый просматриваемый материал» стояла фотография, сделанная, когда ему было семнадцать.

Чёрное бельё, тёмный макияж, полоса света вдоль плеча. В кадре не было ни второго тела, ни прикосновения, ни действия, которое можно было бы назвать откровенным.

Взрослые в студии особенно любили слово «ничего».

Ничего страшного.

Ничего такого.

Ты же одет.

Фотография была устроена так, чтобы всё остальное покупатель придумал сам. За это он и платил.

Брайс закрыл снимок, но сумма осталась в верхней части

экрана.

Когда ему исполнилось восемнадцать, съёмки стали смелее. Потом он ушёл. Новые материалы он не снимал больше года, однако платформа продолжала выкладывать архив по расписанию, принимать подписки и перечислять ему процент.

Он мог отключить выплаты. Архив от этого не исчез бы.

Брайс открыл банковское приложение и перевёл часть денег клинике. В назначении платежа указал номер медицинского счёта матери. Сохранил подтверждение.

Вот теперь деньги снова имели смысл.

В семь вечера нужно было появиться на мероприятии агентства Ольги Беннетт: улыбнуться у стены с логотипами, отметить партнёров, снять двадцать секунд сторис. Рэйчел прислала список обязательных фраз. Мия — напоминание поесть.

Брайс поставил на её сообщение сердечко, на письмо Рэйчел — большой палец и снова посмотрел на выплату.

Хорошая сумма.

Достаточная, чтобы оплачивать лечение. Слишком большая, чтобы притворяться, что не имеет значения, откуда она взялась.

В углу экрана появилось новое уведомление:

«Спасибо за сотрудничество».

Брайс закрыл его.

Горечь осталась.

Таня

На экране мигал курсор в заявке на стипендию:

«Почему вы выбрали коммуникации и цифровые медиа?»

До окончания приёма оставалось три дня. До моего восемнадцатилетия — несколько недель. Я написала две строчки, стёрла обе.

— Таня?!

Мамин голос разрезал тишину. Я дёрнулась и обернулась к двери.

— Да, иду!

Судя по тону, звала она уже не первый раз.

Я натянула любимые конверсы и на пороге остановилась. После долгой, липкой зимы воздух казался непривычно тёплым. Во двор я вышла в одной футболке и джинсах.

Мама расставляла горшки и указывала, куда передвинуть мебель. Питер без возражений таскал кресла с одного края террасы на другой. Когда она попросила вернуть первое на прежнее место, он только улыбнулся.

Питер вообще говорил мало. Зато замечал, что у моего телефона осталось три процента, и ставил его на зарядку. Покупал хлопья, которые сам называл *colored sugar disaster*. Чинил дверцу шкафа раньше, чем я успевала пожаловаться.

Пять лет назад он был чужим мужчиной с незнакомым акцентом. Теперь знал, какой чай я пью и что утром со мной лучше не разговаривать.

Он никогда не пытался заменить мне отца. Наверное, по-

этому на него было невозможно за это злиться.

Отец оставался в России — в редких звонках, поздравлениях не по часовому поясу и обещаниях увидеться летом. Питер жил здесь. Каждый день. И всё равно между нами словно было пространство, которое никто не занимал.

Иногда я смотрела, как мама смеётся над его шутками или обсуждает с ним счета, ремонт и гостей, и чувствовала себя не лишней — хуже. Опоздавшей.

Никто намеренно не строил семью без меня. Она сложилась сама, пока я ещё пыталась понять, где в ней моё место.

— К шести будь готова, — сказала мама, оценивая переставленный стол.

— Зачем?

— Поедешь со мной. Поможешь на регистрации.

— Мам, у меня заявка на стипендию. Я хотела сегодня закончить.

Она наконец посмотрела на меня.

— Сколько тебе нужно?

— Два часа. Если никто больше не позовёт меня двигать мебель.

Мама бросила взгляд на Питера. Тот сразу поднял руки, показывая, что больше ни к чему меня не привлекает.

— Хорошо. Заканчивай. В половине шестого выезжаем.

— А что за мероприятие?

— Презентация новой кампании. Я рассказывала тебе за завтраком.

Я развернулась к дому. В комнате всё ещё мигал курсор. Я села перед ноутбуком и снова начала писать первую строчку.

Глава 1

Несколько дней назад всё было проще.

Я ещё не проверяла его профиль по десять раз за вечер.

Я ещё не знала, что чужое имя может так застрять в голове.

Дом гудел голосами.

Музыка, смех, чужая речь — всё смешалось в один непрерывный фон, от которого через десять минут начинала болеть голова. Я стояла у стола с напитками, делая вид, что рассматриваю бокалы, хотя на самом деле просто пыталась не выглядеть лишней.

— Таня, не стой как наказанная, — бросила мама на ходу.

— Улыбнись.

Я кивнула, но уголки губ так и не поднялись.

Я не любила такие места.

Слишком много людей, которые знают, как правильно стоять, смеяться, смотреть.

И слишком очевидно, что я — не из их мира.

Мама в таких местах становилась другой.

Не домашней Ольгой, которая утром могла искать телефон, держа его в руке, и ругаться на Питера за криво повешенную полку.

Здесь она была собранной.

Красивой.

Опасно спокойной.

Она успевала улыбнуться одному человеку, кивнуть фотографу, поправить вазу с цветами, сказать кому-то на английском: “Give them five minutes, then start”, и одновременно взглядом проверить, не стою ли я где-нибудь с лицом заложницы.

Её мир был построен на том, чтобы всё выглядело легко.

И только я знала, сколько раз дома она сидела ночью с ноутбуком, чашкой остывшего чая и таблицами, где чужая красивая жизнь раскладывалась по минутам, гонорарам и свету.

Я потянулась за стаканом, чтобы занять руки, и в этот момент почувствовала взгляд.

Не просто случайный.

Долгий. Спокойный.

Подняла глаза.

Он стоял чуть в стороне, облокотившись на стену, будто ему не нужно было ничего делать, чтобы быть здесь своим.

И сначала я не поняла, что именно меня зацепило.

Не «идеальная» внешность.

Скорее наоборот.

В нём было что-то... неаккуратное.

Слишком живое.

Растрёпанные волосы, будто он не пытался их уложить — и в этом было больше уверенности, чем в любой выверенной причёске вокруг.

Черты лица — мягкие, почти спокойные. Не идеальные

в том глянцево́м смысле, к которому здесь все стремились. Скорее живые. Слишком настоящие.

А потом я увидела глаза.

Карие.

Не тёплые, как обычно пишут в глупых романах. Не шоколадные, не медовые, не какие-нибудь ещё. Просто тёмные, внимательные, с таким прямым взглядом, что становилось неудобно дышать.

Будто он не смотрел на людей.

Считывал.

И только улыбка всё портила.

Потому что когда он улыбнулся, я почти забыла, что собиралась отвести глаза. Улыбка была идеальная. Белая, ровная, почти неправдоподобная — такая, от которой люди улыбаются в ответ раньше, чем понимают, хотят они этого или нет.

Опасная улыбка.

Слишком красивая, чтобы быть честной.

И всё равно на секунду в ней мелькнуло что-то живое — не для камеры.

Я первой отвела глаза.

Сделала глоток — слишком большой, и сразу закашлялась. Горло обожгло, глаза зашипало. Резко отвернулась, пытаясь сдержать кашель и не привлекать внимания.

Глупо. Ты его даже не знаешь.

Я уже собиралась уйти, когда он оказался рядом.

Так близко, что не заметила, как он подошёл.

Вблизи он оказался ещё выше, чем издалека.

Не просто высокий.

Слишком высокий для обычных людей, которые привыкли смотреть друг другу в глаза без усилия. Он чуть сутулился, когда наклонялся ко мне, будто давно привык уменьшать себя рядом с другими.

И почему-то именно это — не татуировки, не улыбка, не уверенность — показалось мне странно уязвимым.

— Ты не отсюда, — сказал он спокойно.

Не вопрос. Факт.

Я сжала стакан чуть сильнее, чем нужно.

Я ненавидела эту фразу.

Не его голос. Не то, как он сказал — спокойно, почти без насмешки. А именно смысл.

Ты не отсюда.

Мне говорили это по-разному. В школе — когда я слишком медленно отвечала на английском. В магазине — когда кассир переспрашивал моё имя. На маминых мероприятиях — когда люди улыбались слишком вежливо и сразу понимали: я не такая, как их дочери.

В России я тоже уже была не совсем «оттуда».

Слишком американская для старых знакомых. Слишком русская для новых.

Иногда мне казалось, что я всю жизнь стою в дверном проёме. Не внутри. Не снаружи. Просто где-то между.

— Это так заметно?

— Естественно. Ты не позируешь, не ищешь камеру... и я тебя раньше не видел. А я обычно таких запоминаю.

Он улыбнулся — легко, почти автоматически, как будто эта улыбка уже давно стала частью него.

Ровная, отработанная.

Но на секунду в ней снова мелькнуло что-то живое.

Я не сразу нашлась, что ответить.

— А это плохо?

— Нет, — он чуть наклонил голову, рассматривая меня.

— Просто редко.

Теперь я заметила детали.

Сначала — цепочку на его шее. Простую, почти незаметную, но с замысловатой подвеской.

Потом — руки.

Татуировки.

Змея, изгибающаяся вдоль предплечья.

Какие-то символы — непонятные, но явно важные для него.

Хотелось рассмотреть.

И не хотелось спрашивать.

Они не выглядели как украшения.

Скорее — как следы.

И это почему-то зацепило сильнее всего.

Повисла пауза.

Странная. Не неловкая — напряжённая.

Я вдруг поймала себя на мысли, что не могу отвести

взгляд.

Будто боялась упустить этот момент.

— Таня, — сказала я, чтобы хоть как-то вернуть контроль над ситуацией.

— Я знаю.

Я замерла.

— Откуда?

— Твоя мама сказала, — он пожал плечами. — Ты просто не как они.

Это прозвучало не как комплимент, скорее как наблюдение, от которого стало чуть не по себе.

— Ты ещё учишься?

— Выпускной класс.

Он чуть выпрямился.

— Сколько тебе?

— Семнадцать. Через три недели восемнадцать.

Брайс отступил на полшага. Между нами сразу стало больше воздуха.

— А ты? — спросила я чуть резче, чем планировала, не отводя взгляда. — Ты тоже не как они?

На секунду в его взгляде что-то изменилось.

Едва заметно — но я это почувствовала.

— Не совсем, — ответил он после паузы.

Он выпрямился.

И на мгновение — почти незаметно — улыбнулся.

Легко. Почти по-мальчишески.

Но эта улыбка почему-то не успокаивала.

— Брайс.

Как будто мне это что-то должно было объяснить.

Но не объяснило.

Имя показалось знакомым.

Но я не придавала этому значения.

— Я... слышала, — сказала я неуверенно.

Он кивнул, будто это было ожидаемо.

— Конечно.

И снова эта лёгкая усмешка.

Не высокомерная.

Скорее — усталая.

— Тогда ты, наверное, уже всё про меня придумала.

Я сжала губы.

— Не всё, — тихо сказала я.

Он посмотрел на меня внимательнее.

Чуть дольше, чем раньше.

— Это хорошо, — произнёс он наконец. — Значит, тебе ещё есть во что разочароваться.

Больше я не знала, что сказать.

* * *

Я вышла раньше, чем собиралась.

Никто не остановил.

Никто не заметил.

И это было даже удобно.

На улице я вдохнула холодный воздух до рези в горле. Мы

говорили пять минут, а внутри было тесно, будто разговор длился час.

Глупо.

Мы даже толком не разговаривали.

Я дошла до калитки, остановилась.

Достала телефон.

Экран вспыхнул в темноте.

Несколько секунд я просто держала его в руке.

Потом всё-таки ввела имя.

Брайс.

Пальцы на секунду замерли.

Нажала.

Я не смотрела его раньше.

Он мелькал. Где-то между чужими видео, звуками, лицами.

Я просто пролистывала.

Сейчас — нет.

Профиль открылся сразу.

Слишком много подписчиков.

Я провела вниз.

Видео за видео.

Он смеётся. Танцует.

Бежит.

Прыгает через стены так, будто ему это ничего не стоит.

И почему-то взгляд цепляется не за прыжок, а за его руки.

Камера ловит его точно.

Будто он всегда знает, где она.

Я остановилась.

Сама не поняла на чём.

Просто перестала листать.

Смотрю.

Не на видео.

На него.

На лицо.

На то, как он двигается.

Как смотрит.

Я включила звук.

Музыка.

Смех.

Чьи-то голоса.

Слишком громко.

Я убавила почти до нуля.

Снова смотрю.

Почему-то стало важнее не то, что он делает, а как он это делает.

Я провела пальцем дальше.

Ещё.

И ещё.

Сердце почему-то бьётся быстрее.

Не сильно.

Просто... заметно.

Ты серьёзно сейчас это делаешь?

Я усмехнулась сама себе и заблокировала экран.

Темно.

Тихо.

Через пару секунд снова включила.

Тот же профиль.

Прокрутила вниз быстрее, как будто там должно быть что-то ещё.

Что-то, что объяснит это странное ощущение.

Но ничего не объясняло.

Я выдохнула, провела ладонью по волосам.

Это просто парень.

Просто.

Я снова открыла одно из видео. Уже знакомое.

Он смотрел прямо в камеру.

И на секунду мне показалось, что он сейчас скажет что-то...

мне.

Я резко закрыла приложение.

Слишком резко.

Телефон потемнел.

И стало пусто.

Я сжала его в руке сильнее, чем нужно.

Отпустила.

Снова включила.

Профиль.

Пауза.

Палец завис над экраном.

Я открыла сообщения.

Пусто.

Закрыла.

Снова открыла.

И что ты хочешь там увидеть?

Я прикусила губу, чувствуя, что начинаю раздражать...

Сама себя.

Это просто встреча.

Обычная.

Но почему-то внутри было ощущение, что что-то уже началось.

И я не успела это остановить.

Телефон снова загорелся в руке.

Я сама не заметила, как открыла его профиль ещё раз.

Глава 2

Утром всё было как обычно.

Завтрак.

Мама что-то говорила про планы на неделю.

Я кивала, не всегда понимая, о чём речь.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила она.

— Да, — автоматически ответила я.

Она посмотрела на меня внимательнее, но ничего не сказала.

В школу я шла с наушниками, даже не включая музыку.

Просто чтобы не разговаривать.

В классе — те же лица.

Громкие, живые, слишком уверенные в себе.

Быстрая речь, шутки, которые я иногда понимала с задержкой.

Я уже привыкла.

Почти.

— You good? — спросила моя одноклассница Элис, наклоняясь ко мне.

— Just didn't sleep much.

Она кивнула в ответ и почти сразу переключилась на разговор с кем-то ещё.

Я открыла тетрадь.

Посмотрела на страницу.

Пусто.

Я поймала себя на том, что не помню, о чём только что говорил учитель.

Вообще.

Соберись.

Я сделала вид, что записываю.

Ручка скользила по бумаге, оставляя слова, которые я даже не читала.

На экране учительницы висела таблица со сроками ответов из колледжей. В почте у меня лежали три непрочитанных уведомления.

Я подала на программы communications и media studies ещё осенью — после маминой фразы, что хороший пиар не даёт чужой правде пропасть в шуме.

Тогда это показалось профессией для людей смелее меня.

Письма я всё равно не удаляла.

Перемена.

Шум.

Смех.

Хлопающие дверцы шкафчиков.

Чьи-то быстрые шаги за спиной.

Они обсуждали что-то своё — планы, вечеринки, знакомых, которых я не знала.

Вчерашнего вечера здесь будто не существовало.

Как будто всё это было не со мной.

Я вышла в коридор, прислонилась к стене и достала теле-

фон.

Сама не заметила, как открыла его профиль.

Снова.

Видео.

Фото.

Комментарии.

Я не читала до конца.

Просто листала.

Остановилась.

Фото со вчерашней вечеринки.

Сначала я даже не поняла, что именно меня зацепило.

Потом приблизила.

И замерла.

Мы.

В кадре.

Сбоку, почти случайно.

Я стою к нему вполоборота, что-то говорю.

Он смотрит на меня.

Не в камеру.

На меня.

Я увеличила ещё.

Сердце вдруг ударило сильнее.

Глупо.

Это просто фото.

Я быстро оглянулась, будто кто-то мог увидеть экран, хотя рядом никто на меня не смотрел.

Потом снова посмотрела.
Теперь уже не на него.
На себя.
Высокая.
Я всегда замечала это.
Наверное, потому что была в папу.
Не такая хрупкая, как мама.
Не миниатюрная.
Не кукольная.
Никаких «маленькая, аккуратная, идеальная».
Но и не... лишняя.
Волосы — чуть растрёпанные.
Глаза — внимательные.
Слишком внимательные.
Я выглядела нормально.
Даже симпатично.
Рядом с ним я не казалась себе несуразной.
Просто... собой.
Он был выше.
Сильно выше.
Я снова посмотрела на него.
На то, как он стоит.
Спокойно.
Уверенно.
И на то, как он смотрит.
На меня.

Я резко заблокировала экран.

Слишком много.

Слишком рано.

Я убрала телефон в карман.

Прошла по коридору.

Остановилась.

Снова достала.

Открыла фото.

Увеличила.

Он правда так смотрел?

Я задержала дыхание.

Потом резко выдохнула.

Это просто момент.

Просто удачный кадр.

Я сама себе это сказала.

Не помогло.

* * *

К вечеру я почти убедила себя, что всё это глупость.

Почти.

После школы день потянулся обычными мелкими делами.

Домашка. Душ. Ужин, за которым мама что-то рассказывала Питеру, а я ковыряла вилкой салат и кивала там, где, кажется, надо было кивать.

Телефон лежал рядом с тарелкой экраном вниз.

Специально.

Так было легче делать вид, что мне всё равно.

Хотя я всё равно проверила его два раза, пока мама от-
вернулась к плите.

Ничего.

Ни сообщений.

Ни запросов.

Ни случайных уведомлений, которые могли бы оказаться
от него.

Просто ничего.

И, наверное, это даже было хорошо.

Я поднялась к себе, переоделась в старую футболку для
сна и села на край кровати.

Футболка давно растянулась, стала мягкой почти до про-
зрачности, а рисунок Стича на груди выцвел так, что его
можно было заметить только при хорошем свете.

Я привезла её из Диснейленда ещё много лет назад — сна-
чала в Россию, потом почему-то забрала с собой сюда, в Аме-
рику.

Как будто нельзя было оставить.

Папа тогда смеялся, когда я выбрала именно её.

— Из всего Диснейленда — вот это синее чудовище? —
спросил он, держа пакет так, будто я купила что-то совер-
шенно несуразное.

— Он не чудовище, — обиделась я. — Он Стич.

— Значит, будет охранять тебя от нормального вкуса.

Я тогда закатила глаза, но весь вечер ходила счастливая.
Папа нёс пакет, мама фотографировала меня у витрин, и мне

казалось, что всё в мире правильно: мы втроём, далеко от дома, но вместе.

Потом оказалось, что вместе — это не навсегда.

Мама увезла меня в Америку. Папа остался в России. Футболка переехала со мной сначала в чемодане, потом из квартиры в квартиру, потом в этот дом, где Питер чинил скрипучую дверь моей комнаты и называл меня kiddo.

А Стич всё ещё был здесь.

Выцветший. Растянутый. Упрямый.

Как доказательство, что некоторые вещи можно забрать с собой, даже если людей нельзя.

Глупо, конечно.

Но я вообще плохо умела оставлять вещи, к которым привыкала.

Комната была тихой. Слишком тихой.

На экране телефона по-прежнему не было ничего нового. Я усмехнулась сама себе.

Ну конечно.

Он был человеком из другого мира.

Из мира камер, вечеринок, красивых людей, которые умеют улыбаться так, будто им за это платят. Хотя им действительно за это платят.

У него были миллионы подписчиков во всех соцсетях. Миллионы людей, которые знали его лицо, его голос, его улыбку.

Я даже представлять не хотела, сколько из этих миллио-

нов девочек мечтали, чтобы он хотя бы раз посмотрел на них так, как на том фото.

А я просто попала в кадр его вечера.

Случайно.

И на этом всё.

Я положила телефон на тумбочку, легла, натянула одеяло почти до подбородка и закрыла глаза. Несмотря на тёплые дни, ночи всё ещё были по-весеннему прохладные.

Прошло секунд десять.

Может, двадцать.

Телефон коротко завибрировал.

Я открыла глаза сразу.

Слишком быстро.

Сначала не двигалась. Просто смотрела в темноте на тумбочку, будто телефон мог передумать.

Потом всё-таки взяла его.

Экран загорелся.

Новое сообщение.

Врусе отправил вам фото.

Сердце ударило так резко, что стало почти больно.

Я несколько секунд просто смотрела на уведомление и не открывала.

Не потому, что не хотела.

Потому что слишком хотела.

Палец сам нажал на экран.

Открылось фото.

То самое.

Со вчерашней вечеринки.

Мы сбоку, почти случайно.

Я что-то говорю.

Он смотрит на меня.

Не в камеру.

На меня.

Под фото было сообщение:

Врусе: Ты всегда уходишь, когда разговор становится интересным?

Я прочитала один раз.

Потом второй.

Потом ещё.

И почему-то стало жарко, хотя в комнате было прохладно.

Он видел это фото.

Нашёл.

Вспомнил.

Нашёл меня.

Я прикусила губу, чувствуя, как по коже проходит странная дрожь.

Не отвечай сразу.

Я положила телефон экраном вниз.

Потом тут же перевернула обратно.

Сообщение всё ещё было там.

Мне нужно было проверить. Убедиться, что мне не почудилось.

Я набрала:

Я: А он уже становился интересным?

Посмотрела на текст.

Слишком быстро.

Слишком заинтересованно.

Стерла.

Написала:

Я: Ты всегда пишешь малознакомым людям по ночам?

Тоже стерла.

Глупо.

Я выдохнула и всё-таки вернулась к первому варианту.

Я: А он уже становился интересным?

Отправила.

И сразу пожалела.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Врусе: Я только начал.

Всего три слова.

Обычные.

Но внутри что-то неприятно сладко сжалось.

Я прикусила губу.

Конечно.

Конечно, он умел так отвечать.

Я перевернулась на бок, уставилась в экран и поняла, что спать сегодня уже не буду.

Я: Самоуверенно.

Врусе: Наблюдательно.

Я: Это не одно и то же.

Брус: Зависит от того, кто читает.

У меня дрожали руки.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы я это заметила.

Хотелось бесконечно продолжать этот диалог. Отвечать не сразу, придумывать что-то остроумное, делать вид, что мне легко. Что я не перечитываю каждое его сообщение по три раза. Что не представляю, как он улыбается, глядя в экран.

Хотя я представляла.

Очень ясно.

Как уголок его губ чуть поднимается.

Как он смотрит на моё сообщение.

Как, может быть, на секунду задерживает палец над экраном, прежде чем ответить.

Мне хотелось думать, что я заставляю его улыбнуться.

Хотя бы один раз.

Я замолчала. Даже перевела телефон в авиарежим, чтобы перечитывать его сообщения, рассматривать нашу фотографию и не светиться онлайн.

Моего терпения хватило минут на пятнадцать.

Потом я снова вернулась в сеть.

Просто проверить.

Там было новое сообщение.

Не текст.

Ссылка.

И короткая подпись:

Брусе: Если не спишь. Не убегай второй раз.

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом нажала.

Без раздумий.

И оказалась в его мире.

В мире, где Брайс был не просто парнем с вечеринки.

Там он был центром всего.

Он сидел перед камерой, чуть растрёпанный, в светлой футболке, с тем самым спокойным взглядом, от которого внутри снова стало тесно. Комментарии летели так быстро, что я почти не успевала читать.

Сердца.

Подарки.

Смайлы.

Признания в любви на языках, которые я едва различала.

I love you Bryce

Say hi to Brazil

Marry me

Look at me please

You're perfect

Он улыбался.

Всем.

Отвечал на чьи-то комментарии, смеялся, проводил рукой по волосам, смотрел в камеру так, будто точно знал, что по

ту сторону экрана каждая хочет поверить: сейчас он смотрит именно на неё.

И я тоже хотела.

Господи, как глупо.

Но мне казалось, что он смотрит на меня.

Не на тысячи людей в эфире.

На меня.

Потому что за несколько минут до этого он прислал мне фото.

Потому что написал.

Потому что нашёл.

Я лежала в старой растянутой футболке со Стичем, под одеялом, с телефоном в руках, и смотрела на парня, которого обожали миллионы.

И впервые за весь день подумала не о том, что это невозможно.

А о том, что, может быть, среди всех этих миллионов он почему-то заметил именно меня.

Глава 3

Утром я проснулась от того, что телефон лежал у меня в руке.

Не на тумбочке.

Не под подушкой.

В руке.

Как будто я так и уснула, боясь, что если отпущу его, всё исчезнет.

Экран был тёмным.

Я нажала на кнопку.

Ничего нового.

Конечно.

Я несколько секунд смотрела на пустой экран, потом перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Ты вообще нормальная?

Ответ был очевиден.

Нет.

Я спала часа три. Может, четыре. Голова была тяжёлая, глаза — сухие, будто я всю ночь смотрела на слишком яркий свет.

Хотя, по сути, так и было.

Внизу хлопнула дверца шкафа. Потом голос мамы — бодрый, слишком утренний.

— Таня, ты встала?

Я закрыла глаза.

— Да!

Не встала.

Просто солгала достаточно громко.

Телефон коротко завибрировал прямо у меня на груди.

Я открыла глаза так резко, будто меня ударили током.

Врусе: Живая?

Я несколько секунд просто смотрела на это слово.

Живая.

Очень смешно.

После трёх часов сна, ночного эфира, пятнадцати перечитанных сообщений и совершенно идиотской надежды на продолжение — скорее нет, чем да.

Я набрала:

Я: Относительно.

Он ответил не сразу.

Я успела сесть, провести рукой по волосам, посмотреть на себя в зеркало напротив шкафа и пожалеть, что вообще существую по утрам.

Потом телефон снова ожил.

Врусе: Хороший ответ.

Врусе: Я улетаю на пару дней.

Я замерла.

Почему-то внутри сразу стало пустовато.

Глупо.

Он не обещал быть рядом.

Он вообще ничего не обещал.

Я: Куда?

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Появились снова.

Врусе: Сеул. Съёмки. Пара встреч. Обычный цирк.

Я несколько секунд смотрела на сообщение.

Сеул.

Это звучало так далеко, что даже не укладывалось в обычную карту моей жизни.

Школа. Дом. Задний двор. Мамин голос с кухни. Мои конверсы у двери.

И он — где-то между самолётами, камерами, городами, в которых я никогда не была.

Я: У тебя там будет день, когда у меня ночь?

Врусе: Почти.

Врусе: Удобно. Можно делать вид, что ты не ждёшь сообщений.

Я усмехнулась.

Слишком быстро.

И тут же разозлилась на себя за это.

Я: Самоуверенно.

Врусе: Наблюдательно. Мы уже это проходили.

Я прикусила губу.

Опять.

Он умел возвращать фразы так, будто между нами уже бы-

ло что-то своё.

Не большое.

Не настоящее.

Но такое, что я сразу узнавала.

И это раздражало сильнее всего.

Потому что нравилось.

* * *

В школу я опять шла с наушниками.

Музыку не включила.

Теперь это уже становилось привычкой — делать вид, что я занята, чтобы никто не пытался заговорить со мной.

В коридоре пахло кофе, чьим-то сладким парфюмом и чем-то жареным из столовой. Дверцы шкафчиков хлопали одна за другой. Кто-то смеялся слишком громко. Кто-то пробежал мимо, задев меня плечом и даже не обернувшись.

Обычное утро.

Только у меня в кармане был человек, который летел в Сеул.

И я не знала, что с этим делать.

На первой перемене телефон завибрировал.

Я достала его так быстро, что чуть не уронила.

Фото.

Стакан кофе на маленьком столике в аэропорту.

Край чёрной сумки.

Его рука рядом — длинные пальцы, тёмные линии татуировок, кольцо на большом пальце.

И ещё — сбитые костяшки.

Не сильно. Не так, будто он недавно дрался. Скорее старые следы: кожа на двух пальцах была грубее, светлее, местами неровная. Как у человека, который слишком много раз цеплялся за бетон, металл, край стены — и не всегда удачно.

Рядом со стаканом лежал чек.

Сложенный ровно пополам.

Странная мелочь. Совершенно неважная.

Но почему-то я её заметила.

Никакого лица.

Почему-то от этого стало даже хуже.

Врусе: Завтрак чемпиона.

Я смотрела на его руку дольше, чем следовало.

Потом написала:

Я: Это кофе. Не завтрак.

Врусе: Ты очень строга для человека, который спал три часа.

Откуда он?..

Потом сама же вспомнила: я написала ночью, что не усну.

Конечно.

Просто он запомнил.

Глупо было радоваться такой мелочи.

Я всё равно радовалась.

Я: Ты хранишь чеки от кофе?

Врусе: Я храню доказательства преступлений против моего счёта.

Я: Это был один кофе.

Врус: Так начинается финансовый крах.

* * *

Ника поймала меня на ланче.

Не буквально, конечно.

Но с Никой это всегда ощущалось именно так.

Она умела появляться в самый неподходящий момент — с подносом, телефоном и лицом человека, который уже всё понял, но пока даёт тебе шанс соврать первой.

У Ники были тёмные волосы до подбородка, ровное каре, которое почти всегда выглядело идеально, и зелёные глаза — не светлые, не прозрачные, а глубокие, внимательные, с таким выражением, будто она мысленно открывала вклады быстрее, чем люди успевали закончить фразу.

Она была красивая.

Но не той мягкой красотой, к которой легко подойти.

В Нике было что-то слишком острое. Слишком собранное. Слишком умное для девочек, которые хотели дружить без вопросов, и для парней, которые хотели нравиться с первого взгляда.

Наверное, поэтому многие сначала тянулись к ней, а потом начинали держаться осторожнее.

Ника не специально отпугивала людей.

Просто она слишком быстро замечала то, что другие предпочитали прятать.

Она села напротив, поставила на стол свой поднос и при-

щурилась.

— У тебя лицо, — сказала она.

— Какое?

— Подозрительное.

Я убрала телефон экраном вниз.

Поздно.

Ника заметила.

Она всегда замечала.

Мы познакомились ещё в middle school, когда я только-только перестала вздрагивать от английской речи вокруг. Она была из русскоговорящей семьи, но жила здесь почти всю жизнь и умела переключаться между языками так легко, будто у неё в голове было две двери.

Одна — для школы.

Другая — для дома.

И третья, тайная — для сплетен.

Ника вообще умела находить всё.

Старые аккаунты.

Удалённые фото.

Кто с кем встречался два года назад.

Почему какая-то девочка внезапно отписалась от другой девочки.

Тогда это казалось просто смешным талантом.

Потом я поняла, что это не талант.

Это была защита.

Ника не любила сюрпризы. Особенно те, после которых

все вокруг вдруг говорят: «Мы не хотели тебя ранить».

Она терпеть не могла эту фразу.

Однажды, ещё в middle school, она последней узнала, что её отец уже почти год живёт не только с ними. Взрослые называли это «сложной ситуацией». Девочки в школе — «грязной сплетней». Ника тогда узнала всё не от родителей, не дома, не спокойно за кухонным столом.

Она увидела чужое фото.

Чужой комментарий.

Чужую женщину в кадре рядом с её отцом.

А потом поняла, что многие знали всё раньше неё.

С тех пор Ника решила: лучше узнать самой, чем стоять с глупым лицом, пока все остальные делают вид, что берегут тебя.

Информация для неё была не сплетней.

Бронёй.

— Кто он? — спросила она.

Я поперхнулась водой.

— Что?

— Не делай вид. Ты улыбаешься в телефон, потом сразу делаешь лицо, будто тебя поймали на краже.

— Никто.

— Никто не заставляет людей прятать экран.

Я закатила глаза.

— Это просто... один человек.

— Один человек, — повторила Ника и медленно кивнула.

— Уже интереснее.

— Ника.

— Ладно, молчу.

Она действительно замолчала.

На три секунды.

— Он из школы?

— Нет.

— Старше?

Я посмотрела на неё.

Ника расплылась в улыбке.

— Поняла. Старше.

— Я ничего не сказала.

— У тебя лицо всё сказала.

Я хотела ответить что-то резкое, но телефон снова завибрировал.

Обе посмотрели на него.

Я не успела его перевернуть.

На экране было новое фото.

Облака за иллюминатором.

Кусок крыла самолёта.

И подпись:

Вгусе: Скажи мне что-нибудь, пока я не уснул и не пропал на 14 часов.

Ника медленно подняла глаза на меня.

— Вгусе? — произнесла она по-английски, слишком отчётливо.

Я схватила телефон.

— Не начинай.

— Это тот Вгусе?

— Какой тот?

— Таня.

Я почувствовала, как лицо становится горячим.

Ника уже тянулась к своему телефону.

— Не надо.

— Я просто проверю.

— Ника.

Она посмотрела на меня внимательнее.

И, кажется, впервые за этот разговор перестала улыбаться.

— Ты его знаешь?

Я пожала плечами.

— Мы познакомились на мамином мероприятии.

— И он теперь присылает тебе фото из самолёта?

— Видимо.

Ника уже смотрела в свой телефон.

— Двадцать три, — сказала она через несколько секунд.

— Что?

— Ему двадцать три. Интервью двухлетней давности, третья страница поиска. Я не гений, я просто не ленюсь.

Двадцать три.

Я попробовала это на вкус.

Пять лет.

Не пропасть.

Но и не ровное место.

Ника молчала пару секунд.

— Аккуратно с такими, — сказала она наконец.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— С какими?

— С теми, у кого миллионы людей в телефоне.

— Ника, ты его даже не знаешь.

— Именно.

— Это не аргумент.

— Это лучший аргумент.

Она наклонилась ближе, понизив голос:

— Таня, люди с миллионами подписчиков не живут просто так. У них есть фанаты, бывшие, менеджеры, старые видео, сторис, которые кто-то сохранил, друзья, которые болтают, и враги, которые ждут, когда можно будет ударить. У таких людей прошлое не лежит в прошлом. Оно где-то в архивах.

Я поморщилась.

— Ты сейчас звучишь как человек, которому нужно меньше сидеть в интернете.

— Я звучу как человек, который не хочет, чтобы ты узнала важное последней.

Я хотела сказать, что он не такой.

Но вовремя остановилась.

Потому что я не знала, какой он.

Вообще.

Я знала только, как он смотрел.

Как улыбался.

Как писал короткие сообщения, после которых мне становилось трудно дышать.

И как миллионы людей смотрели на него так, будто он был чем-то большим, чем просто парень.

* * *

После школы я отправила голосовое Варе.

Вернее, пыталась.

Записала первое — удалила.

Второе — тоже.

На третьем сдалась.

— Варя, я сейчас скажу глупость, и ты не должна меня осуждать.

Отправила.

Варя ответила через семь минут, хотя в России уже была глубокая ночь. Она вообще могла спать, есть, ехать в автобусе, делать уроки и всё равно отвечать так, будто сидела рядом со мной на кровати.

Мы дружили ещё в России.

Она помнила меня до Америки.

До новой школы.

До Питера.

До того, как мама начала говорить по телефону на английском быстрее, чем на русском.

Варя помнила меня в пуховике до колен, с мокрыми по-

сле снега волосами и мечтой когда-нибудь снова попасть в Диснейленд.

С Варей было проще ещё и потому, что рядом с ней мне не нужно было объяснять, какая я настоящая.

Она знала меня до того, как я начала автоматически улыбаться, когда не понимала шутку на английском. До того, как научилась говорить «I'm good» даже тогда, когда внутри всё было совсем не good. До того, как у меня появились две версии себя: одна — для дома, другая — для школы.

Варя знала первую.

Иногда мне казалось, что она хранит её за меня. Ту Таню, которая ещё не боялась говорить слишком громко, смеяться не в тему и быть не такой.

Наверное, поэтому я всё ещё отправляла ей голосовые, даже когда было неловко.

Если Варя слышала, как я улыбаюсь, значит, я всё ещё существовала не только здесь.

Она прислала голосовое.

— Я уже осуждаю. Давай.

Я засмеялась.

И рассказала ей почти всё.

Про вечеринку.

Про фото.

Про сообщение.

Про Сеул.

Про Нику, которая, конечно, уже хотела всё проверить.

Варя прислала ответ почти сразу.

— Стоп. То есть парень с миллионами подписчиков сам нашёл тебя? Через фото? И написал ночью? Таня, это не глупость. Это сюжет. Это буквально сюжет.

Я легла на кровать поверх одеяла, уставившись в потолок.

— Не романтизируй, — пробормотала я, хотя она не могла меня слышать.

Варя продолжала:

— Только не делай вид, что тебе всё равно. У тебя плохо получается даже в голосовых. Я слышу, как ты улыбаешься.

Я закрыла лицо ладонью.

Ненавижу её.

Очень люблю.

Но ненавижу.

* * *

Следующие два дня стали странными.

Не плохими.

Не хорошими.

Просто будто мой обычный день разделился на две части.

Одна — настоящая.

Школа.

Домашка.

Мама.

Питер.

Элис с её быстрым английским.

Ника с её слишком внимательными глазами.

Варя где-то далеко, в России, с голосовыми по ночам.

А вторая часть была его.

Фото из чужого города.

Короткие сообщения.

Разница во времени.

Его внезапные исчезновения.

Он не писал постоянно.

И именно это почему-то цепляло сильнее.

Если бы он был всегда онлайн, наверное, стало бы проще.

Обычнее.

Понятнее.

Но он появлялся урывками.

Утром — когда у меня был первый урок, а у него уже ночь.

Днём — когда он только просыпался после снэков.

Поздно вечером — когда я уже лежала в кровати, а у него начинался новый день.

Он прислал фото неоновой улицы, мокрой после дождя.

Врусе: Ты бы сказала, что здесь слишком шумно.

Я: Я бы сказала, что ты сам выбрал шумную жизнь.

Врусе: Не всё, что выбираешь, потом легко выбросить из жизни.

Я перечитала это несколько раз.

Не потому, что не поняла.

А потому что, кажется, поняла слишком хорошо.

Потом он пропал на пять часов.

Я успела сделать домашку.

Почти не проверять телефон.

Потом всё-таки проверить.

Потом разозлиться.

Потом сказать себе, что мне всё равно.

Когда я уже чистила зубы, пришло новое фото.

Он сидел на полу в каком-то коридоре, прислонившись спиной к стене. Лицо уставшее, волосы растрёпаны сильнее обычного. Камера была направлена чуть снизу, будто он держал телефон не глядя.

Брус: Перерыв. 11 минут.

Я смотрела на это фото слишком долго.

Не на его улыбку.

На усталость под глазами.

На руку, лежащую на колене.

На то, что он почему-то отправил это мне.

Не в сторис.

Мне.

Я: Выглядишь как человек, которому нужен сон.

Брус: Ты выглядишь как человек, который сейчас начнёт командовать.

Я: Я не командую.

Брус: Ещё нет.

Я улыбнулась в зубную щётку.

И тут же почувствовала себя идиоткой.

* * *

К концу второго дня я уже знала, что он пьёт слишком

много кофе.

Что в самолётах он почти не спит.

Что не любит, когда ему говорят «ты везучий», потому что, по его словам, «везение обычно не приходит с разбитыми коленями».

Что он не отвечает на сообщения, когда снимает.

Что иногда читает и молчит.

И это бесило.

Сильнее, чем должно было.

Потому что в эти минуты я начинала думать, что он понял, насколько мне интересно.

Что ему стало скучно.

Что он написал мне просто потому, что был уставший, в другой стране, в другом часовом поясе, а я случайно оказалась удобным человеком, с которым можно поговорить перед сном.

А потом он присылал фото.

Без объяснений.

Например, свои кроссовки на краю крыши.

Город внизу светился так, будто его кто-то рассыпал по чёрному стеклу.

Брусе: Не показывай это своей маме.

Я резко села на кровати.

Я: Ты где?!

Брусе: На крыше.

Я: Это я поняла.

Врусе: Тогда зачем спрашиваешь?

Я: Потому что нормальные люди не стоят на краю крыши.

Врусе: Я вроде не обещал быть нормальным.

Я открыла фото ещё раз.

Его кроссовки.

Край.

Высота.

И вместо того чтобы закрыть, я увеличила снимок.

Потом ещё.

Как будто могла приблизиться и стащить его оттуда за руку.

Я: Отойди.

Ответа не было минуту.

Потом две.

Я уже почти набрала ещё одно сообщение, когда пришло видео.

Три секунды.

Он сделал шаг назад от края, повернул камеру на себя и чуть улыбнулся.

Врусе: Так лучше?

Я выдохнула так резко, будто всё это время держала воздух внутри.

Я: Ненавижу тебя.

Он ответил почти сразу.

Врусе: Уже?

Я смотрела на это слово и не знала, что ответить.

Потому что это было слишком рано даже для шутки.
И слишком близко к тому, чего я боялась.

* * *

Ника заметила первой.

Конечно.

— Ты стала странная, — сказала она после уроков, когда мы шли к выходу.

— Спасибо.

— Не в хорошем смысле.

— Ещё лучше.

Она остановилась у шкафчиков.

— Ты постоянно ждёшь сообщения.

Я хотела возразить.

Но телефон как раз завибрировал.

Ника подняла брови.

— Видишь?

Я достала его, но не открыла.

— Это не значит, что я жду.

— Нет, значит.

— Ты всегда такая приятная?

— Только когда пытаюсь спасти подругу от проблемного парня.

Мне не понравилось слово «спасти».

— Он не проблемный.

Ника вздохнула.

— Пока нет.

Я промолчала.

Она мягче сказала:

— Таня, просто... не придумывай его.

Я хотела сказать, что не придумываю.

Но в этот момент телефон снова завибрировал.

И я поняла, что именно этим и занимаюсь.

Придумываю.

Из его сообщений.

Из фото.

Из пауз.

Из трёх секунд видео.

Из того, как он писал «уже?» после моего «ненавижу».

Я собирала его по кусочкам.

И каждый кусочек почему-то казался важным.

* * *

Вечером он написал, что возвращается.

Я сидела на полу возле кровати, в огромном сером худи, рукава закрывали ладони почти полностью. Я любила такие вещи — большие, мягкие, в них можно было спрятаться, но не исчезнуть совсем.

Телефон лежал передо мной.

Врусе: Завтра буду дома.

Дома.

Странное слово.

Я почему-то перечитала его два раза.

Я: Поздравляю с выживанием.

Брусе: Спасибо. Было сложно. Кофе плохой, люди громкие, крыши высокие.

Я: Последнее ты сам выбираешь.

Брусе: Не всё, что я выбираю, правильно.

Я посмотрела на сообщение.

Потом он прислал ещё одно.

Брусе: Хочешь увидеть, где мы создаем весь этот цирк?

Я замерла.

Я: Какой цирк?

Брусе: Контент-хаус. The Loft. Камеры, свет, люди, которые слишком громко смеются.

Брусе: Тебе не понравится.

Я нахмурилась.

Я: Отличное приглашение.

Брусе: Какое есть.

Я смотрела на экран, чувствуя, как внутри поднимается что-то горячее и тревожное.

Он возвращался.

И звал меня туда.

Не на свидание.

Не гулять.

Не «встретимся где-нибудь».

А в свой мир.

Туда, где его снимали.

Где он улыбался в камеру.

Где люди знали, как стоять, как смеяться, куда смотреть.

Туда, где я точно буду лишней.

И всё равно мне захотелось увидеть.

Я: С чего ты решил, что мне интересно?

Ответ пришёл быстро.

Врусе: Потому что ты смотришь честно.

Я перестала дышать на секунду.

Потом снова прочитала.

Потому что ты смотришь честно.

Это было не похоже на комплимент.

Скорее на то, что он снова заметил во мне что-то, чего я сама не успела спрятать.

Я должна была отказаться.

Хотя бы для приличия.

Хотя бы чтобы не выглядеть девочкой, которая ждала этого сообщения весь день.

Я даже набрала:

Я: Не уверена.

Посмотрела.

Стерла.

Потом написала другое.

Всего одно слово.

Я: Когда?

Глава 4

Я приехала в The Loft ровно в три.

Даже на две минуты раньше.

Потому что опоздать было страшно.

А приехать слишком рано — ещё страшнее.

Uber остановился у высокого белого дома с тёмными окнами и ровным газоном, который выглядел так, будто его не стригли, а редактировали в приложении.

Я несколько секунд сидела на заднем сиденье, сжимая телефон в руке.

На мне были любимые конверсы, широкие джинсы и оверсайз-футболка под расстёгнутым худи. Я переодевалась три раза. Сначала решила, что выгляжу слишком просто. Потом — что слишком стараюсь. Потом разозлилась и надела то, в чём обычно чувствовала себя собой.

Водитель посмотрел на меня в зеркало.

— You okay?

Я кивнула.

— Yeah. Thanks.

Вышла.

Дверь машины закрылась за спиной слишком громко.

Я посмотрела на дом.

Ну вот.

Я здесь.

Не в переписке.

Не в его прямом эфире.

Не на фото, которое можно увеличить и потом закрыть.

Здесь.

У ворот стояла девушка с тёмными волосами, собранными в небрежный высокий пучок. Только когда она повернула голову, я заметила выбритые виски — резкий, почти мальчишеский контраст к длинным чёрным прядям, выбившимся у лица.

В одной руке у неё был планшет, в другой — пластиковый стакан с кофе.

Она выглядела так, будто могла за пять минут поставить на место съёмочную группу, объяснить человеку его ошибку на трёх языках и потом спокойно показать тебе, где здесь туалет.

Она сразу посмотрела на меня так, будто знала, кого ждёт.
— Таня? — спросила она.

— Да.

— Я Мия. Брайс попросил тебя встретить.

От того, как спокойно она произнесла его имя, внутри почему-то кольнуло.

Для неё он был просто Брайс.

Не человек, из-за которого я третий день нормально не спала.

Не лицо на экране.

Не парень, который присылал фото с крыш и самолётов.

Просто Брайс.

— Он сейчас задействован в съёмке, — сказала Мия, открывая калитку. — Но сказал, чтобы ты не стояла снаружи как потерянный курьер.

Я невольно улыбнулась.

— Очень заботливо.

— Это ещё нежная версия, — усмехнулась она. — Обычно он звучит ещё хуже.

Я прошла за ней.

Внутри всё оказалось совсем не так, как я представляла.

Я думала, будет музыка, смех, красивые люди на диванах, кто-то снимает смешные видео у бассейна, кто-то танцует, кто-то пьёт кофе из дорогих стаканов и живёт так легко, будто обычных дней у них не бывает.

Но дом не был похож на вечеринку.

Он был похож на работу.

На очень красивую, очень шумную, немного безумную работу.

В гостиной стояли софтбоксы, камеры, штативы, стойки с одеждой. На полу тянулись провода, часть была заклеена чёрной лентой. У стены висели худи, куртки, футболки — аккуратно, по цветам, будто в магазине. На столе лежали банки с энергетиками, какие-то браслеты, солнцезащитные очки, коробки с кроссовками и листы с расписанием.

— Осторожно, — Мия легко дотронулась до моего локтя. — На чёрную ленту лучше не наступать. Там камера.

Я тут же отдёргнула ногу.

— Прости.

— Расслабься. Здесь все первые десять минут чувствуют себя так, будто попали в музей и боятся дышать.

Я оглянулась.

— А потом?

— Потом понимают, что это не музей. Это фабрика.

Слово прозвучало странно.

Фабрика.

Она сказала это без злости.

Скорее так, как говорят люди, которые когда-то тоже пришли сюда смотреть на огни, а потом сами начали проверять, не перегорели ли лампы.

— Ты давно здесь? — спросила я.

Мия усмехнулась.

— Достаточно, чтобы перестать верить людям, которые говорят: «Мы просто снимем пару видео, а дальше как пойдёт».

— И как пошло?

— Не так, как обещали.

Я посмотрела на свет, на стойки, на людей с телефонами, на парня, который держал отражатель у окна, пока другая девушка поправляла кому-то воротник.

Фабрика красивой жизни.

— Сегодня рекламная съёмка, — объяснила Мия. — Кроссовки. Спорт, движение, свобода, всё такое.

Она сказала это таким голосом, будто повторяла чужой текст.

— Разве это не снимается... ну, более случайно?

— Что именно?

— Видео. Контент. Я думала, они просто что-то снимают и выкладывают.

Мия посмотрела на меня и улыбнулась.

Не насмешливо.

Скорее устало.

— Иногда. Но не когда бренд платит столько, что все внешне начинают верить в раскадровку.

Мы вошли в большую комнату с панорамными окнами.

И я увидела его.

Брайс стоял у стены, одна нога упиралась в низкую тумбу, на нём были чёрные джоггеры и белая футболка без лишних принтов. Волосы растрёпаны, но теперь я уже понимала: скорее всего, их специально растрепали так, чтобы казалось, будто никто не старался.

Возле него крутились люди.

Кто-то поправлял футболку.

Кто-то подносил к его лицу кисть.

Кто-то показывал на экране предыдущий дубль.

А он слушал молча.

Не улыбался.

Не смотрел в камеру.

Просто стоял.

И почему-то от этого выглядел старше, чем в переписке.

Потом он поднял глаза.

Увидел меня.

На секунду всё вокруг будто стало тише.

Он не улыбнулся широко.

Не помахал рукой.

Не сделал ничего такого, что могло бы выдать нас перед всеми.

Просто уголок его губ чуть дрогнул.

Тот самый.

Не для камеры.

— Ты пришла, — сказал он, когда я подошла ближе.

— Ты звал.

— Я много кого зову. Не все приходят.

— Отлично. Теперь я чувствую себя особенной.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Разве нет?

Я не успела ответить.

— Брайс, ещё один дубль, — крикнул кто-то из команды.

Он отвёл взгляд.

И сразу стал другим.

Не полностью.

Но заметно.

Как будто кто-то внутри него переключил свет.

— Стой здесь, — сказал он мне. — Мия покажет, где можно дышать и не мешать.

— Я и сама могу не мешать.

— Посмотрим.

Он ушёл к камере.

Мия тихо засмеялась рядом.

— Он всегда так разговаривает?

— Как?

— Будто одновременно извиняется и провоцирует.

Я посмотрела на неё.

Мия пожала плечами.

— Значит, да.

* * *

Съёмка оказалась совсем не похожей на то, что я видела в его профиле.

В видео всё выглядело легко.

Брайс бежит.

Прыгает.

Ловит равновесие.

Поворачивается к камере.

Улыбается ровно в тот момент, когда нужно.

Пять секунд идеальной картинки.

В реальности эти пять секунд снимали сорок минут.

Сначала он должен был сделать прыжок с низкой стены на деревянную платформу, потом прыгнуть, пройти два шага к камере и поднять ногу так, чтобы кроссовок попал в свет.

Звучало глупо.

Выглядело сложно.

— Ещё раз! — крикнул режиссёр.

Брайс вернулся на исходную позицию.

— Чуть больше энергии в конце!

Он кивнул.

Снова разбег.

Прыжок.

Платформа.

Разворот.

— Нет, слишком резко. Ещё.

Снова.

— Стоп. Кроссовок не в фокусе.

Снова.

— Отлично, но давай улыбку легче.

Снова.

Я смотрела, как он делает одно и то же движение снова и снова, и не понимала, почему раньше мне казалось, что всё это просто.

Его руки цеплялись за край стены быстро и точно. На запястьях проступали вены, футболка чуть натягивалась на плечах, когда он подтягивался. Один раз он приземлился неудачно, едва заметно поморщился, но тут же выпрямился, будто ничего не произошло.

Перед новым дублем Брайс достал из кармана пластинку жвачки.

Развернул её быстро, почти не глядя, сунул в рот и сжал челюсть.

— Он всегда так делает? — спросила я у Мии.

— Когда нервничает, — ответила она.

— Он нервничает?

Мия посмотрела на меня так, будто я сказала что-то наивное.

— Все нервничают. Просто не все умеют продавать это как уверенность.

Брайс тем временем подошёл к низкой стене, на которую должен был запрыгнуть, и незаметно нажал подошвой на край. Один раз. Потом второй. Проверил, не скользит ли поверхность.

Потом чуть согнул правое колено.

Совсем немного.

Если бы я не смотрела так внимательно, я бы не заметила.

— Колено? — тихо спросила я.

— Старое, — сказала Мия. — Он делает вид, что забыл. Тело не делает.

Брайс в этот момент снова улыбался в камеру.

Так ровно.

Так убедительно.

Как будто у него вообще ничего не болело.

Я вдруг подумала, что его лицо знали миллионы людей, но, возможно, почти никто не знал, сколько дублей нужно, чтобы оно выглядело счастливым.

* * *

— О, у нас гости.

Голос прозвучал слишком громко и слишком весело.

Я обернулась.

В комнату вошёл парень в яркой куртке, с мокрыми после душа волосами и улыбкой человека, который привык появляться в любом месте так, будто это место стало лучше только от его присутствия.

— Это Джекс, — сказала Мия тихо. — Друг Брайса. Иногда проблема Брайса.

— Я всё слышал, — сказал Джекс и подошёл к нам. — А ты, значит, Таня.

Я напряглась.

— Значит.

— Русская?

— Да.

— Круто. Брайс любит драму с акцентом.

— Джекс, — предупредила Мия.

Он поднял руки.

— Всё, молчу. Я добрый.

— Самое страшное, что он правда так думает, — сказала она.

Джекс усмехнулся и перевёл взгляд на Брайса, который как раз возвращался к монитору смотреть дубль.

— Бро! — крикнул он. — Ты живой?

— К сожалению, — не оборачиваясь, ответил Брайс.

— Сегодня клуб? — спросил Джекс.

— Сегодня съёмка.

— После съёмки.

— После съёмки я умру.

— Скучный.

Брайс наконец посмотрел на него.

— Трезвый.

— Это временно, — сказал Джекс. — У нас столик. Девочки будут. Те самые близняшки тоже спрашивали, будешь ли ты.

Я не хотела реагировать.

Правда.

Но слово «девочки» неприятно зацепилось где-то внутри.

Брайс даже не улыбнулся.

— Передай близняшкам мои соболезнования.

— Бро, ты меня пугаешь. Кто ты и куда дел нашего Брайса?

— Ваш Брайс умер на шестом дубле.

— Нет, серьёзно, — Джекс прищурился. — Ты теперь что, домашний?

Брайс коротко посмотрел в мою сторону.

Не долго.

Но достаточно, чтобы я заметила.

— Я теперь уставший, — сказал он. — Не путай.

Я стояла рядом и пыталась понять, почему от этого короткого обмена репликами внутри стало неприятно.

Джекс был весёлым.

Обычным.

Наверное, даже симпатичным.

Но рядом с ним Брайс будто становился другим. Жёстче. Более закрытым. Как будто между ними была привычка к ночам, клубам, девочкам, историям, которые рассказывают утром только наполовину.

И мне это не понравилось.

Не потому что я имела право.

А потому что уже хотела его иметь.

Эта мысль ударила так резко, что я опустила глаза.

Нет.

Рано.

Глупо.

Вообще не твоё дело.

Я уже думала, что начинаю понимать этот дом, когда Мия вдруг напряглась.

Не сильно.

Только плечи стали чуть жёстче, а пальцы крепче сжали стакан с кофе.

— Что? — спросила я.

— Сейчас будет красиво и неприятно, — сказала она.

Я проследила за её взглядом.

— Кто?

— Коул.

Имя прозвучало так, будто за ним тянулся длинный хвост историй, которые никто не хотел рассказывать при свете.

— Он и Брайс не ладят?

Мия усмехнулась.

— Они слишком хорошо ладили раньше. В этом и проблема.

— В смысле?

— Они начинали почти вместе. Старые съёмки, дешёвые студии, первые фанатки, первые деньги, первые люди, которые называли эксплуатацию «возможностью». Тогда их часто снимали парой. Контраст хорошо продавался.

— Какой контраст?

— Брайс был тихий, опасный и почему-то живой. Коул — красивый, ядовитый и всегда на грани. Девочки хотели спасти Брайса и чтобы Коул их разрушил. Алгоритм обожал обоих.

Мия посмотрела туда, где Брайс как раз смотрел дубль на мониторе.

— Только потом Брайс начал расти не так, как ожидали.

* * *

Коул появился позже.

Я бы сразу поняла, что он тоже известный, даже если бы никто не сказал.

В нём было это особое умение входить в комнату так, чтобы люди заметили. Не громко, как Джекс. Не спокойно, как Брайс.

А красиво.

Слишком красиво.

Идеальная укладка, свободная белая рубашка, цепочка на

шее, улыбка без единой лишней эмоции.

— Коул, — сказала Мия тише.

По её голосу я поняла: хорошего ждать не надо.

Он подошёл к монитору, посмотрел дубль Брайса и усмехнулся.

— Ну конечно.

Брайс даже не обернулся.

— Началось.

— Что началось? — Коул развёл руками. — Я просто восхищаюсь. Очередной сольный блок. Очередной крупный бренд. Очередные десять дублей, где все ждут, пока ты решишь, какой стороной лица страдать красивее.

В комнате стало тише.

Не полностью.

Но настолько, чтобы я почувствовала.

Брайс посмотрел на экран, потом на режиссёра.

— Дубль нормальный?

Режиссёр замялся.

— Да, но можно ещё один на всякий.

— Сделаем.

Коул усмехнулся.

— Конечно сделаем. У нас же весь день твой.

Брайс медленно повернулся к нему.

— У тебя проблема?

— У меня? Нет. У меня всё отлично. Просто смешно, как у нас тут командный проект, но лучшие коллаборации поче-

му-то всегда уходят одному человеку.

— Поговори с менеджментом.

— Я говорю с тем, кто делает вид, что это не замечает.

Брайс сделал шаг ближе.

Не угрожающе.

Но воздух между ними сразу изменился.

— Я не раздаю контракты, Коул.

— Нет, — тот улыбнулся шире. — Ты просто делаешь вид, что тебе всё достаётся случайно.

— Ты теперь у нас настоящий, да? — Коул улыбнулся шире. — Паркур, травмы, честные глаза, «я просто парень, который много работал». Очень трогательно.

Брайс молчал.

— Зрители такое любят, — продолжил Коул. — Им нравится думать, что грязь можно красиво смонтировать, добавить музыку, пару кадров с крыши — и всё, ты уже не тот, кем был.

Мия рядом со мной едва слышно выругалась.

Брайс наконец повернулся к нему.

— Заканчивай.

— А что? — Коул развёл руками. — Я просто восхищаюсь ребрендингом.

Мия рядом со мной напряглась.

Джекс, который до этого листал телефон, поднял голову.

— Бро, не здесь, — сказал он.

Коул будто только этого и ждал.

— А где? На очередном эфире, где все будут писать, какой он настоящий? — он посмотрел на Брайса. — Может, хватит уже играть в героя?

Брайс молчал.

Но теперь я видела, как у него сжалась челюсть.

— Коул, — резко сказала Мия.

— Что? — он повернулся к ней. — Я что-то не так сказал?

— Достаточно.

— Да ладно. Мы же все здесь свои.

Он снова посмотрел на Брайса.

И улыбнулся.

Не красиво.

Зло.

— Не получится с кроссовками — вернёшься к истокам и снова разденешься. Там, говорят, сценарий попроще.

Сначала я даже не поняла.

Фраза будто ударилась о стену и повисла в воздухе.

Снова разденешься.

Кто-то тихо выругался.

Мия резко шагнула вперёд.

— Закрой рот.

Джекс выпрямился.

— Коул, ты идиот?

Но я смотрела только на Брайса.

Он не двинулся.

Вообще.

Только лицо стало пустым.

Не злым.

Не обиженным.

Не растерянным.

Пустым.

И от этого стало страшнее.

— Повтори, — сказал он тихо.

Коул усмехнулся, но уже не так уверенно.

— Ты слышал.

Брайс сделал ещё один шаг.

Теперь они стояли почти вплотную.

— Повтори.

В комнате никто не говорил.

Даже камеры будто перестали существовать.

Коул отвёл взгляд первым.

— Забей.

— Нет, — Брайс говорил всё так же тихо. — Ты хотел сказать. Скажи.

— Брайс, — вмешалась Мия. — Не надо.

Он не посмотрел на неё.

— Я в порядке.

Но он не был в порядке.

Я почему-то знала.

Так же точно, как знала вчера, что его улыбка не успокаивала.

Коул сжал губы.

— Расслабься. Это была шутка.

— Нет, — сказал Брайс. — Это была зависть. Просто плохо замаскированная.

Коул побледнел от злости.

— Да пошёл ты.

— Уже много раз, — ответил Брайс. — Поэтому и стою здесь.

На секунду мне показалось, что Коул ударит его.

Но он только резко отвернулся.

— Снимайте свою рекламу, — бросил он. — Раз уж без святого Брайса бренд не продаст кроссовки.

Он вышел.

Дверь хлопнула.

Тишина осталась.

Странная. Липкая.

Я стояла на месте и чувствовала, что не знаю, куда деть руки.

Мия выдохнула первой.

— Пять минут перерыв, — сказала она кому-то из команды. — Все на кухню. Сейчас.

Люди начали расходиться.

Медленно.

Слишком аккуратно.

Будто боялись случайно задеть то, что только что разбилось.

Брайс стоял у окна спиной ко всем.

Я видела только его плечи.

Напряжённые.

И руки.

Сжатые в кулаки.

Я не должна была подходить.

Я знала.

Это было не моё.

Не моя история.

Не мой конфликт.

Но ноги почему-то сами сделали шаг.

Потом ещё один.

— Брайс...

Он обернулся.

И я сразу пожалела, что сказала его имя.

Потому что его взгляд был закрыт.

Совсем.

Не тот, которым он смотрел на меня на фото.

Не тот, который мелькал в переписке.

Не тот, который я успела придумать себе за эти дни.

Другой.

— Не спрашивай, — сказал он.

— Я не...

— Спросишь. Не сейчас, так потом.

Он говорил спокойно.

Слишком спокойно.

— Это неправда? — вырвалось у меня.

Я сама не поняла, зачем сказала.

Наверное, потому что слова всё ещё стояли между нами.

Грязные. Чужие. Непонятные.

Брайс посмотрел на меня.

Долго.

Потом усмехнулся.

Но в этот раз в усмешке не было ничего живого.

— Ты же только начала разочаровываться.

Мне стало холодно.

Хотя в комнате было жарко от света.

— Я не это имела в виду.

— А что?

Я открыла рот.

И не нашла ответа.

Потому что я правда не знала, что имела в виду.

Хотела, чтобы он сказал: нет.

Хотела, чтобы он объяснил.

Хотела, чтобы эта фраза исчезла из комнаты, из головы,
из всего, что я успела о нём придумать.

Но он ничего не объяснял.

— Пойдём, — сказал он вдруг.

— Куда?

— Ты же хотела увидеть цирк.

— Я не говорила, что хотела.

— Зато пришла.

Он прошёл мимо меня к задней двери.

Я могла остаться.

Могла уйти.

Могла написать маме, что мне стало неловко и я поеду домой.

Вместо этого я пошла за ним.

* * *

На заднем дворе было тише.

Не тихо совсем — из дома всё равно доносились голоса, музыка, чьи-то шаги. Но здесь хотя бы не было света, направленного в лицо.

Брайс сел на край низкой бетонной стены у бассейна.

Я остановилась рядом.

Не слишком близко.

Он достал из кармана пачку жвачки, вытолкнул одну пластинку и протянул мне.

— Хочешь?

Я покачала головой.

Он пожал плечами, положил жвачку в рот и несколько секунд молчал.

— Красиво у вас тут, — сказала я, потому что молчание стало слишком большим.

— Это не у нас.

— А у кого?

— У инвесторов. У брендов. У алгоритмов. Иногда у людей, которые думают, что если посадить десять красивых идиотов в один дом, деньги начнут печататься сами.

Я посмотрела на него.

— Ты не идиот.

— Ты плохо меня знаешь.

— Возможно.

Он усмехнулся.

Уже мягче.

— Вот это честно.

Я села рядом.

На расстоянии ладони.

Он не отодвинулся.

Несколько секунд мы просто смотрели на воду в бассейне.

Свет из окон ложился на поверхность длинными дрожащими полосами.

— Он тебе завидует? — спросила я.

— Коул? Всем завидует. Просто мне громче.

— Из-за подписчиков?

— Из-за всего. Подписчиков. Контрактов. Съёмок. Того, что у меня есть сольные проекты.

— А у него нет?

— Есть. Просто не те, которые он хочет.

Я кивнула.

— И поэтому он сказал... это?

Брайс перестал жевать.

Я поняла, что снова подошла слишком близко.

— Извини.

— Не извиняйся.

— Ты сам сказал не спрашивать.

— А ты всё равно спросила.

— Да.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты всегда делаешь то, что тебе говорят не делать?

— Только когда мне плохо объясняют, почему я не должна этого делать.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то почти весёлое.

Почти.

— Опасная привычка.

— У тебя, кажется, тоже.

Он усмехнулся и посмотрел обратно на воду.

Молчание стало другим.

Не лёгким.

Но уже не таким острым.

— Здесь всё не такое, как я думала, — сказала я.

— Хуже?

Я задумалась.

— Реальнее.

Он медленно кивнул.

— Реальнее обычно хуже.

— Не всегда.

— Ты просто ещё не всё видела.

Эта фраза должна была оттолкнуть.

Должна была напугать.

Наверное, нормальная девочка услышала бы в ней преду-

преждение.

Я же услышала приглашение.

И это было плохо.

Очень плохо.

Он встал.

— Пойдём. Я покажу тебе монтажную, пока Коул не решил устроить вторую серию.

— Ты правда хочешь продолжать съёмку после этого?

Брайс посмотрел на дом.

В окнах двигались люди. Камеры снова ставили на место.

Кто-то смеялся, будто ничего не случилось.

— Конечно.

— Почему?

Он повернулся ко мне.

— Потому что за это платят.

Просто.

Без жалости к себе.

Без красивой истории.

И почему-то именно это ударило сильнее всего.

Мы пошли обратно к дому.

Я смотрела на его спину, на чуть растрёпанные волосы, на татуировки, выглядывающие из-под рукавов, и думала о словах, которые Коул бросил ему в лицо.

Снова разденешься.

Они не исчезли.

Они просто спрятались где-то глубже.

Рядом с интересом.

С тревогой.

С тем странным ощущением, что я стою у двери, которую лучше бы не открывать.

Но Брайс уже держал её передо мной.

И я всё равно вошла.

Глава 5

Внутри всё снова двигалось.

Как будто ничего не произошло.

Камеры вернули на места.

Свет снова бил в лицо.

Кто-то ругался из-за ракурса.

Кто-то смеялся на кухне.

Джекс громко рассказывал историю, которую, судя по реакции Мии, все уже слышали минимум три раза.

И только я всё ещё слышала эти слова.

Снова разденешься.

Они неприятно царапали изнутри, хотя я пыталась сделать вид, что не думаю об этом.

Брайс шёл впереди, будто вообще забыл о конфликте.

Спокойный.

Собранный.

Почти обычный.

Слишком обычный.

— Не делай такое лицо, — сказала Мия рядом.

Я вздрогнула.

— Какое?

— Такое, будто сейчас начнёшь гуглить «красные флаги у парней с татуировками».

Я невольно усмехнулась.

— Поздно. Я уже знаю, что они существуют.

— Конечно существуют, — Мия пожала плечами. — Просто у Брайса они обычно красиво подсвечены и сняты с правильного угла.

Она сказала это легко.

Почти шуткой.

Но я всё равно посмотрела на неё внимательнее.

— Коул часто так говорит?

Мия чуть замедлилась.

— Коул часто говорит дерьмо, когда злится.

— Но почему именно это?

Она посмотрела вперёд, туда, где Брайс что-то говорил парню с камерой.

— Потому что знает, куда бить.

Я ничего не ответила.

Мия вздохнула.

— Слушай, у Брайса раньше был другой контент. Не как сейчас.

— Другой — это какой?

— Более... — она поискала слово и скривилась. — Более рассчитанный на взрослых женщин с кредитками и девочек, которые любят страдать по красивым парням.

Я остановилась.

Мия посмотрела на меня и тут же подняла ладонь.

— Не делай такие глаза. Я не сказала, что он торговал органами.

— Я ничего не сказала.

— Но подумала громко.

Я сжала рукава худи в пальцах.

— Он был... моделью?

— И моделью тоже. И танцевал. И снимал всякие ролики, где он открывает рот под песни, улыбается, закусывает губу и отжимается в одних трусах.

Я моргнула.

Мия усмехнулась.

— Да, примерно такая реакция у всех, кто узнаёт.

— В одних трусах?

— Там был бренд нижнего белья, если тебе от этого легче.

Не стало.

Но почему-то стало смешно.

Совсем немного.

И, наверное, именно этого Мия и добивалась.

— Он сам это придумал?

— Нет. Тогда за него много кто придумывал. — Она снова посмотрела на Брайса. — Когда ты начинаешь рано и у тебя нет нормальных взрослых рядом, появляются ненормальные. И все уверены, что лучше знают, как продать твоё лицо.

— Коул был там же? — спросила я.

Мия посмотрела на меня внимательнее.

— Ты быстро схватываешь.

— Он слишком точно бил.

— Да, — сказала она после паузы. — Был.

Я молчала.

— У них похожие истории. Не одинаковые, но похожие. У Коула мать постоянно исчезала с какими-то мужчинами, отец сидел или почти сидел — я уже не помню, там всё было мутно. Он очень рано понял, что жалость людей можно превратить в просмотры, а злость — в стиль.

— А Брайс?

— Брайс тогда ещё пытался делать вид, что ему всё равно.

— А Коул?

Мия усмехнулась.

— Коул сделал вид, что ему всё равно, и сам поверил в это.

Она отпила кофе.

— Когда они только начали сниматься, их часто ставили вместе. Брайс был молчаливый, высокий, с этим взглядом «не трогайте меня, но, пожалуйста, не уходите». Коул был другой. Резкий. Эпатажный. Мог унижить человека в прямом эфире и потом улыбнуться так, будто это была шутка.

— И зрителям нравилось?

— Зрителям всегда нравится то, за что им потом стыдно.

Я посмотрела вниз, туда, где Коул стоял возле зеркала и поправлял волосы.

— Что случилось потом?

— Брайс начал перетягивать внимание. Не специально. Просто у него было то, что нельзя сыграть.

— Что?

Мия посмотрела на меня.

— Природное обаяние. Уязвимость, которую он ненави-
дел в себе. Девочки смотрели на него и думали: он плохой
парень, но с ним что-то случилось. Его можно понять. Его
можно спасти.

— А Коул?

Мия посмотрела вниз.

— Коул тоже хотел, чтобы кто-нибудь остался. Просто он
так быстро научился кусаться, что люди перестали подхо-
дить.

— А ты? — спросила я вдруг.

Мия посмотрела на меня.

— Что я?

— Ты тоже начинала... так?

Она хмыкнула.

— Осторожно, Таня. Ещё немного — и ты станешь чело-
веком, который задаёт слишком правильные вопросы.

Я не улыбнулась.

Тогда Мия отвела взгляд.

— Я пришла позже Брайса. Он уже набирал обороты. Ещё
не был в топе, но уже был тем, на кого смотрели дольше, чем
надо.

— А ты чем занималась?

— Танцами. Спортом. Короткими роликами с поставлен-
ной хореографией — смесь танцев, фитнеса и трюков. Ви-
део, где я прыгала, падала, вставала, делала вид, что мне не

больно, и снова прыгала.

Она показала на свои волосы.

— Тогда у меня были длинные чёрные волосы до поясицы. А виски я выбрила после первой же съёмки в спортзале, когда стилист попыталась сделать из меня «мягкую дерзкую девочку».

— Мягкую дерзкую? — переспросила я.

— Именно. Даже звучит как болезнь.

Я улыбнулась.

Мия тоже, но ненадолго.

— Сначала они не очень понимали, куда меня деть. Для красивой романтической девочки я была слишком резкая. Для скандальной — недостаточно злая. Для спортивной — слишком хорошо смотрелась рядом с парнями.

Она кивнула вниз, туда, где Брайс спорил с оператором.

— Был момент, когда нас пытались придумать.

— Кого?

— Меня и Брайса. Потом меня и Коула. Пара кадров, пара слухов, пара «случайных» сторис. Фанаты любят выбирать, кого с кем целовать в своих фантазиях.

Мне стало неприятно.

— И что?

Мия фыркнула.

— С Брайсом мы продержались ровно до первой попытки снять «химию». Он посмотрел на меня, я посмотрела на него, и мы оба заржали.

— Почему?

— Потому что он мне как брат. Придурочный, высокий, травмированный брат, которого иногда хочется ударить бутылкой воды.

Она сказала это легко.

Но в голосе было что-то настоящее.

— А Коул?

Мия скривилась.

— Коул умел смотреть так, будто сейчас разрушит тебе жизнь. Тогда это продавалось лучше, чем мои прыжки.

— Ты не стала большой звездой? — спросила я и тут же пожалела, потому что прозвучало грубо.

Мия только пожала плечами.

— Не стала.

Она сказала это спокойно.

Слишком спокойно.

— Были ролики, которые заходили. Были танцы, челленджи, спортзал, какие-то коллаборации. Но я никогда не была той, кого алгоритм выбирает надолго.

— И ты осталась?

— Да.

— Почему?

Она посмотрела на планшет в своей руке.

— Потому что выяснилось, что я умею делать то, что эти красотки ненавидят.

— Что?

— Помнить расписание. Считать дубли. Знать, кто не ел, кто врёт, что спал, и кто сорвётся, если его поставить рядом с Коулом. Кто забудет выложить рекламу, за которую уже заплатили.

— Рэйчел сказала, что если мои ролики не спасают дом, то, может, я сама спасу его.

— И ты согласилась?

Мия усмехнулась.

— Мне нужны были деньги. И место. И, наверное, кто-то должен был следить, чтобы Брайс не умер от кофе и героизма.

Я перевела взгляд на Брайса.

Он стоял возле монитора, смотрел последний дубль и пил воду из бутылки. Кто-то что-то объяснял ему, жестикулируя слишком активно. Брайс слушал, не перебивая.

— Сейчас он другой, — сказала Мия.

Я не знала, спрашивала она меня или убеждала себя.

— Сейчас он классный спортивный парень, — продолжила она уже легче. — Паркур, трюки, челленджи, лайвы, реклама кроссовок, улыбка на миллион, «люблю вас, ребята», весь мир пищит. Особенно девочки.

— Я заметила.

Мия покосилась на меня.

— Только не начинай ревновать к комментариям. Это путь в психушку.

— Я не ревную.

— Конечно. Никто никогда не ревнует. Просто все случайно читают комментарии в три ночи.

Я отвернулась, чтобы она не увидела лицо.

Поздно.

Мия увидела.

— Он тебе нравится, — сказала она.

— Я его почти не знаю.

— Это не ответ.

— Это единственный нормальный ответ.

Она улыбнулась.

— Нормальные ответы здесь долго не живут.

Брайс обернулся и посмотрел на нас.

— Вы там обсуждаете меня?

— Да, — сразу сказала Мия.

— Хорошо. Продолжайте. Только без вранья.

— Тогда будет коротко.

Он показал ей средний палец, не глядя, и снова повернулся к монитору.

Мия засмеялась.

А я вдруг поймала себя на том, что мне нравится видеть его таким.

Не идеальным.

Не загадочным.

Не человеком с миллионами подписчиков.

Просто парнем, которому его подруга может сказать что угодно.

И он не исчезнет.

* * *

После съёмки Брайс выглядел уставшим.

Не так, как в видео, где усталость тоже можно было сделать красивой.

А по-настоящему.

Он сел на пол у стены, вытянул ноги и запрокинул голову назад. Волосы упали на лоб, футболка прилипла к спине, нашее блестела тонкая полоска пота.

— Живой? — спросила Мия.

— Относительно.

— Если умрёшь, я заберу твои кроссовки.

— У тебя маленький размер.

— Продам. Наконец-то заработаю на тебе.

Он открыл один глаз.

— Ты и так на мне паразитируешь.

— Я называю это эмоциональным менеджментом.

Я усмехнулась.

— Что?

— Ничего.

— Ты смеёшься надо мной?

— Наблюдаю.

— Осторожнее. Я обычно таких запоминаю.

Я почувствовала, как внутри что-то тёплое дёрнулось от знакомой фразы.

Мия закатила глаза.

— Господи, вы оба невыносимые.

— Завидуешь? — спросил Брайс.

— Твоему таланту флиртовать после сорока дублей? Нет.

Я ценю свои нервы.

Он поднялся, поморщившись, и я заметила это.

— Колено?

Он посмотрел на меня.

— Кажется, Мия много болтает, — громче обычного сказал Брайс.

— Иногда полезные вещи, — попыталась пошутить я.

— Редко, — вставила Мия.

Мия протянула ему бутылку воды.

— Пей.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому ты третий час ведёшь себя как ребёнок. Пей.

Он взял бутылку.

Не споря.

И почему-то именно это сказало о них больше, чем любые объяснения.

Брайс провёл рукой по волосам.

— Пойдём. Хотела экскурсию — получишь экскурсию.

— Я думала, это уже была она.

— Это была витрина. Сейчас будет склад.

* * *

Мы с Мией и Брайсом поднялись по лестнице. Его ком-

ната оказалась на втором этаже, в дальнем конце коридора.

Я почему-то ожидала чего-то роскошного.

Огромную кровать.

Дорогую мебель.

Полки с наградами.

Что-то, что выглядело бы как комната человека, которого обожают миллионы.

Но внутри всё было проще.

Большая кровать, не идеально застеленная. Чёрное худи на спинке кресла. Несколько пар кроссовок у стены. Зарядки, провода, штатив возле окна. На комод — бутылка воды, обезболивающий крем, пачка жвачки и две пустые банки от энергетика.

И везде — следы работы.

Кольцевая лампа.

Камера на маленьком штативе.

Пульт для света.

Микрофон.

Чёрный фон, свёрнутый в углу.

Я сразу узнала место у окна.

— Ты здесь снимал тот лайв, — сказала я раньше, чем успела подумать.

Брайс остановился у двери.

— Тот?

Я почувствовала, как лицо нагревается.

— Ну... который ты скидывал.

— Ты запомнила фон?

— Там окно было.

— Конечно. Окно.

Он улыбнулся.

Не слишком широко.

Но достаточно.

Я сделала вид, что рассматриваю комнату.

— А вот здесь? — я кивнула на низкий диван у стены. —

Ты снимал видео, где отвечал на вопросы.

— Ты провела исследование?

— Нет.

— Звучит как да.

— Я просто видела пару роликов.

— Пару?

Я посмотрела на него.

— Ты хочешь экскурсию проводить или расследование?

Он засмеялся.

Коротко.

Настояще.

И мне стало слишком приятно от того, что я снова заставила его улыбнуться.

— Ладно, — сказал он. — Здесь лайвы. Там короткие видео. У окна хороший свет утром. У стены нормальный звук. В ванной паршивый свет, но почему-то людям нравятся видео у зеркала.

— Это очень... продуманно.

— Это работа.

Он сказал это без пафоса.

Просто.

Я подошла к стене, где висела огромная доска.

Сначала я подумала, что это расписание на месяц.

Потом поняла, что ошиблась.

Это был почти план военной операции.

Колонки.

Даты.

Цветные стикеры.

Названия брендов.

Время съёмок.

Отметки: live, stories, short, ad, collab, draft, post, reshoot.

В одной строке было написано:

3 лайва / 18 stories / 6 short videos / 2 brand integrations

Я перечитала.

Потом ещё раз.

— Это на месяц? — спросила я.

Брайс усмехнулся.

— На неделю.

Я повернулась к нему.

— Ты шутишь.

— Хотел бы.

Я снова посмотрела на доску.

— Вы правда всё планируете?

— Почти всё.

— Но в профиле это выглядит так, будто вы просто живёте и снимаете.

— Так и задумано.

В комнату без стука заглянула женщина лет тридцати с наушником в одном ухе и телефоном в руке.

— Брайс, завтра в десять созвон с брендом, в час репетиция с Коулом, если вы не убьёте друг друга до этого, в три лайв, в пять сторис по контракту, и сегодня надо доснять восемь коротких роликов под трендовый звук. У тебя готовы только три.

— Сделаю.

— Ты говорил это вчера.

— И позавчера тоже. Я последовательный.

Она посмотрела на него так, будто уже привыкла.

— Не смешно.

— Немного смешно.

— Нет.

Она перевела взгляд на меня.

На секунду оценила.

Не зло.

Рабоче.

— Привет. Я Рэйчел. Я здесь пытаюсь сделать вид, что у этих людей есть дисциплина.

— Таня.

— Сочувствую.

И ушла.

Брайс проводил её взглядом.

— Это была Рэйчел. Если однажды она улыбнётся, мир рухнет.

Мия фыркнула.

— Она улыбается.

Брайс посмотрел на неё.

— Когда?

— Когда кто-то сдаёт интеграцию вовремя.

— То есть никогда.

— Почти.

Я посмотрела вслед Рэйчел.

— Она всегда такая?

— Нет, — сказала Мия. — Иногда хуже.

— Спасибо, очень успокаивает.

Мия чуть смягчилась.

— Рэйчел не милая. Но если она однажды решила, что ты её человек, она будет вытаскивать тебя из такого дерьма, куда нормальные люди даже не посмотрят.

Мия на пару секунд задержалась, будто хотела добавить что-то ещё, но передумала.

Я всё ещё смотрела на доску.

— У вас правда считают всё? Прямо сколько лайвов, сколько сторис?

— Да. Платформы любят регулярность. Бренды любят отчёты. Менеджеры любят цифры. Алгоритмы любят, когда мы страдаем по расписанию.

— А вы?

— А мы любим, когда нам платят.

Он сказал это так же, как там, у бассейна.

Просто.

Без красивой обёртки.

И снова это было слишком честно.

Я провела взглядом по стикерам.

— А что такое location delay?

Брайс подошёл ближе.

Не слишком.

Но я всё равно почувствовала.

— Правило отложенной локации.

— Это как?

— Ничего не выкладываем из места съёмки в тот же день.

Особенно если видно, где мы.

— Почему?

Он посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

— Фанаты.

Я моргнула.

— Они реально могут приехать?

— Реально могут приехать, залезть на забор, ждать у ворот, найти отель по виду из окна и написать в комментариях: «я рядом, выйди на минутку».

Я почувствовала, как по коже прошёл холодок.

— Серьёзно?

— Очень.

— И что вы делаете?

— Врём временем. Врём локацией. Выкладываем вчера как сегодня, сегодня как завтра. Если я стою на крыше в Сеуле, есть шанс, что я уже в аэропорту или вообще сплю в Лос-Анджелесе.

— Значит, всё не настоящее?

— Настоящее. Просто не в тот момент, когда ты это видишь.

Почему-то эта фраза застряла.

Я подумала о его фото с крыши.

О неоновой улице.

О коридоре, где у него был перерыв одиннадцать минут.

Я думала, что видела его день почти вместе с ним.

А оказалось — может быть, я видела только аккуратно разложенные куски.

— Разочаровалась? — спросил он.

— Пока думаю.

— Опасно.

— Для кого?

— Обычно для меня.

* * *

Внизу снова начались съёмки.

На этот раз групповое видео.

Я стояла у лестницы рядом с Мией и смотрела, как пятеро ребят за двадцать минут делали вид, что им случайно пришла в голову очень смешная идея.

— Они сейчас снимут это десять раз? — спросила я.

— Если повезёт.

— А если нет?

— Двадцать.

Джекс внизу громко смеялся, хотя дубль ещё даже не начался.

Коул тоже был там.

После той сцены он выглядел так, будто ничего не произошло. Улыбался, шутил, поправлял волосы перед камерой. Несколько раз посмотрел в сторону Брайса, но больше ничего не сказал.

Брайс не смотрел на него вообще.

Как будто Коул был частью мебели.

— Они всегда так? — спросила я.

— Кто?

— Брайс и Коул.

Мия скривилась.

— Коул хочет быть главным героем. Брайс им уже стал и делает вид, что не заметил этого.

— Это звучит несправедливо.

— Это и есть индустрия.

Она передала мне бутылку воды.

— Не крути в голове то, что он сказал.

Я посмотрела на неё.

— Я не кручу.

Мия подняла бровь.

Слишком поздно.

— У всех здесь есть старые версии, — сказала она тише.
— Старые образы, старые ошибки, старые контракты. Просто у Брайса всё громче, потому что на нём лучше растут просмотры.

— Он правда был другим?

— Все были другими.

— Но не всем говорят такое в лицо.

Мия несколько секунд молчала.

— Брайс с самого начала понимал, что его внешность продаётся. Вопрос был только в том, кто на этом заработает: он или люди вокруг него.

Я посмотрела вниз.

Брайс как раз смеялся в камеру, откидывая голову назад.
Красиво.

Легко.

Так, будто в его жизни не было ничего тяжелее неудачного дубля.

— А сейчас?

— Сейчас он хотя бы сам выбирает, что продавать.

Мне не понравилось слово «продавать».

Но я ничего не сказала.

* * *

Вечером он сам предложил отвезти меня домой.

Не спросил, не надо ли вызвать Uber.

Не сказал: «если хочешь».

Просто:

— Я отвезу.

— Ты устал.

— Я живой.

— Это не одно и то же.

— Сегодня достаточно.

Спорить было странно.

Да и я не хотела.

Его машина стояла в гараже. Чёрная, низкая, с тёмным салоном и таким звуком двигателя, от которого внутри всё будто чуть опускается вниз.

— Это твоя? — спросила я.

— Нет, украл.

Я посмотрела на него.

— Моя.

— Очень скромно.

— Я пытался компенсировать характер.

Я села на пассажирское сиденье и сразу почувствовала себя не на своём месте. Машина пахла кожей, мятной жвачкой и чем-то дорогим, что я не могла назвать.

Брайс включил навигатор, хотя адрес я сказала только один раз.

— Ты запомнил?

— Я обычно таких запоминаю.

Я повернула голову к окну, чтобы он не увидел, что я улыбаюсь.

На улице уже темнело. Город растягивался огнями за стеклом. Несколько минут мы ехали молча.

Не неловко.

Просто после шума The Loft тишина казалась почти роскошью.

— Ты всегда живёшь там? — спросила я наконец.

— В The Loft?

— Да.

— Иногда. Когда съёмок много. Иногда у себя.

— У тебя есть свой дом?

— Есть место, где я держу вещи и иногда сплю. Домом это можно назвать только, если ты очень щедрая.

Я усмехнулась.

— А родители как к этому относятся?

Вопрос вылетел слишком легко.

Как будто обычный.

Как будто у всех родителей есть мнение о том, где живёт их сын, с кем работает, во сколько возвращается и почему стоит на крышах.

Брайс не ответил сразу.

Я почувствовала это молчание раньше, чем поняла, что сказала что-то не то.

— Извини, — быстро сказала я. — Не хотела...

— Всё нормально.

Но голос стал другим.

Тише.

Он перестроился в соседний ряд, потом положил руку обратно на руль. На костяшках пальцев чуть натянулась кожа.

— У меня нет отца, — сказал он.

Я замерла.

— В смысле...

— В смысле я не знаю, кто он. Мама тоже делала вид, что не знает. Или правда не знает. Зависит от того, в какой год её спросить.

Я не знала, что сказать.

Любое слово казалось неправильным.

— Прости.

Он пожал плечами.

— Не за что извиняться.

Машина ехала мягко, почти бесшумно.

— Мама... — он замолчал на секунду. — Мама всегда была сложной.

Слово «сложной» прозвучало так аккуратно, что я сразу поняла: за ним стоит что-то совсем не аккуратное.

— Она... зависимая? — спросила я тихо.

Он посмотрел на дорогу.

— Да.

Одно слово.

И целая жизнь за ним.

Я сжала руки на коленях.

— Меня растила сестра, — сказал он. — Старшая. Лина. Она была ещё почти ребёнком, когда решила, что стала

взрослой.

— Где она сейчас?

— В Сан-Диего. Работает. Платит за мамины клиники, когда мама соглашается туда лечь. Потом мама выходит, держится какое-то время, потом всё сначала.

— Сколько ей? — спросила я.

Брайс не сразу ответил.

— Тридцать.

Я повернулась к нему.

— Всего?

Он усмехнулся без улыбки.

— Звучит странно, да? Когда я был мелкий, мне казалось, что Лина взрослая с рождения. Она умела говорить с врачами, ругаться с арендодателем, готовить макароны из ничего и врать учителям так убедительно, что они верили: у нас всё нормально.

Он помолчал.

— А потом я вырос и понял, что ей самой тогда было шестнадцать.

Мне стало холодно.

— Шестнадцать?

— Семнадцать, когда стало совсем плохо. Но какая разница.

Он смотрел на дорогу.

— Она просто однажды решила, что если взрослого в доме нет, значит, взрослой будет она.

Лине было тридцать.

На семь лет старше Брайса.

Достаточно, чтобы он в детстве считал её почти взрослой.

И слишком мало, если подумать, сколько лет она прожила не для себя.

— У неё есть семья? — спросила я.

Брайс сжал руль.

Не сильно.

Но я заметила.

— Была.

Я не стала сразу спрашивать.

Он сам продолжил:

— Муж. Хороший парень. Нормальный. Из тех, кто сначала говорит: «Мы справимся», потом правда пытается, потом перестаёт спать, потом начинает ненавидеть телефонные звонки по ночам.

— Они развелись?

— Почти. Официально не знаю. Они то расходятся, то пытаются говорить. Но, по сути... да.

— Из-за мамы?

— Из-за всего. Но мама была самым громким «всё».

Он говорил спокойно.

Слишком спокойно.

Как будто рассказывал не про свою семью, а про чужую систему, которая плохо работает, но давно изучена.

— А ты? — спросила я.

— Что я?

— Ты маме помогаешь?

Он усмехнулся.

Без улыбки.

— Деньгами? Да. Лина берёт, даже если злится. Мама берёт, даже если я прошу пообещать, что это в последний раз.

— А сам?

— Что сам?

— Ты с ней общаешься?

Брайс молчал дольше.

За окном мелькали фонари. Свет скользил по его лицу — то выхватывал скулу, то прятал глаза в тени.

— Иногда.

— Это значит редко?

— Это значит, когда Лина заставляет.

Я повернулась к нему.

— Ты на неё злишься?

— На Лину?

— На маму.

Он резко выдохнул через нос.

— Конечно.

— Но любишь?

Он не ответил.

И это было ответом.

Мне стало больно за него так неожиданно, что я почти испугалась.

Я ведь почти не знала его.

Не должна была чувствовать это настолько близко.

Но в этот момент он был не парнем с миллионами подписчиков.

Не человеком из эфира.

Не красивой картинкой, на которую смотрят девочки на разных языках.

Он был просто мальчиком, которого кто-то когда-то не удержал.

И почему-то мне захотелось дотронуться до его руки.

Я не дотронулась.

— Лина хорошая? — спросила я вместо этого.

Впервые за весь разговор на его лице появилось что-то мягкое.

Едва заметное.

— Лина страшная.

— Это значит да?

— Это значит, что если я не отвечаю ей два дня, она звонит моему менеджеру, Мии, Джексу, охране и однажды написала бренду, с которым у меня был контракт, чтобы они передали мне: «Позвони сестре, придурок».

Я засмеялась.

Брайс тоже улыбнулся.

Настояще.

— Она тебя любит.

— Она меня контролирует.

— Иногда это одно и то же.

Он посмотрел на меня.

— Опасная фраза.

Я поняла, что он прав.

Слишком прав для нашей истории, которая ещё даже не началась.

Машина свернула на мою улицу.

Дом появился слишком быстро.

Я почему-то не хотела выходить.

Брайс остановился у тротуара, не выключая двигатель.

В окнах дома горел мягкий свет. Наверное, мама ещё не спала.

Я отстегнула ремень.

— Спасибо, что подвёз.

— Спасибо, что выжила в цирке.

— Было... познавательно.

— Это худший комплимент, который я получал.

— Сомневаюсь.

В машине было темно, только панель подсвечивала его лицо снизу. В таком свете он выглядел усталым. И настоящим.

Слишком настоящим.

— Ты всё ещё думаешь о том, что сказал Коул? — спросил он.

Я застыла.

Можно было соврать.

Наверное, надо было.

— Да, — сказала я тихо.

Он кивнул, будто ожидал.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Лучше думать, чем делать вид, что не слышала.

— Ты когда-нибудь расскажешь?

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Может быть.

Не да.

Не нет.

Может быть.

И почему-то этого оказалось достаточно, чтобы я не ушла сразу.

— Спокойной ночи, Таня.

Он произнёс моё имя.

Я вышла из машины, закрыла дверь и сделала несколько шагов к дому.

Потом всё-таки обернулась.

Он ещё стоял.

Не уезжал.

Смотрел, пока я дойду до двери.

Я открыла дверь, вошла внутрь и только тогда услышала, как его машина плавно отъехала от тротуара.

Я прислонилась спиной к двери.

В доме пахло деревом, маминой свечой и чем-то тёплым,

домашним.

А я всё ещё слышала его голос.

Может быть.

И понимала, что это слово опаснее любого ответа.

Глава 6

После того вечера Брайс пропал.

Не исчез совсем.

Это было бы проще.

Он просто перестал писать мне.

А его лицо — нет.

Оно продолжало появляться в ленте, в сторис, в коротких видео, в чужих репостах, в нарезках фанатских аккаунтов, где девочки замедляли каждый его взгляд, каждую улыбку, каждый поворот головы, будто пытались доказать: вот здесь он смотрел иначе.

Как будто я сама не делала то же самое.

Первые сутки я старалась вести себя нормально.

Утром проснулась, проверила телефон.

Ничего.

Почистила зубы, снова проверила.

Ничего.

Пошла вниз, позавтракала под мамины вопросы о школе, домашке и планах на выходные.

Проверила ещё раз, пока она отворачивалась к кофемашине.

Ничего.

Я даже не понимала, что именно жду.

Сообщения?

Объяснения?

Продолжения?

После того, как он отвёз меня домой, я написала ему только одно короткое:

Я: Ты доехал?

Сообщение висело прочитанным.

Сначала я решила, что он просто устал.

Потом — что занят.

Потом — что уснул.

Потом — что я идиотка.

К вечеру я уже ненавидела это слово.

Прочитано.

Оно выглядело почти оскорбительно.

Как будто он не просто не ответил, а посмотрел на моё сообщение, понял, что отвечать не хочет, и положил телефон обратно.

Я заблокировала экран.

Потом снова включила.

Прочитано.

Отлично, Таня. Очень достойно.

* * *

На следующий день в его профиле появилось видео.

Брайс на какой-то вечеринке.

Громкая музыка.

Свет, прыгающий по лицам.

Джекс рядом, смеётся во весь рот.

Какая-то девушка кладёт руку Брайсу на плечо, наклоняется к нему ближе, что-то говорит на ухо.

Он улыбается.

Легко.

Ровно.

Привычно.

Я смотрела на это видео дольше, чем нужно.

Потом вспомнила.

Правило отложенной локации.

Настоящее.

Просто не в тот момент, когда ты это видишь.

Он мог быть уже не там.

Он мог вообще спать.

Это видео могли снять неделю назад, вчера, позавчера, в другой жизни.

Но почему-то не помогало.

Потому что на экране он всё равно улыбался ей.

А мне — не отвечал.

Я закрыла приложение.

Через минуту открыла снова.

* * *

Варя отреагировала именно так, как я и ожидала.

— Подожди, — сказала она в голосовом. — То есть он отвёз тебя домой, рассказал про семью, смотрел, пока тыходишь в дом, а потом пропал?

Я лежала на кровати, уставившись в потолок.

— Да.

— Это мужчина.

— Варя.

— Что? Я не сказала, что хороший или плохой. Я сказала

— мужчина. Они почему-то считают, что если исчезнуть на сутки, то это добавляет загадочности.

Я невольно улыбнулась.

— Не добавляет.

— Судя по твоему голосу, добавляет.

Ненавидела, когда она была права.

— Может, он занят.

— Может. А может, он привык, что все ждут, пока он соизволит появиться.

Я молчала.

Варя вздохнула.

— Таня, я не говорю, что он плохой. Я говорю: не превращай его в идеального, пока он просто красивый и странный.

Поздно.

Я уже начала.

* * *

Ника была жёстче.

Она поймала меня после уроков у шкафчиков, когда я в третий раз за пять минут достала телефон.

— Он всё ещё не написал?

Я убрала телефон в карман.

— Кто?

Ника посмотрела на меня так, будто я только что оскорбила её интеллект.

— Хорошо. Давай сделаем вид, что я тупая. Кто бы это мог быть?

— Я не жду.

— Ты буквально ждёшь.

— Я просто проверяю время.

— На экране сообщений?

Я закрыла шкафчик чуть громче, чем нужно.

— Ника.

Она подняла руки.

— Всё. Молчу.

Не замолчала.

— Просто помни: у него жизнь идёт даже без него. Контент может выходить, пока он спит, занят, в самолёте или с кем угодно. Ты сама говорила про это правило.

— Location delay.

— Да. Вот. Не влюбляйся в расписание публикаций.

Я хотела ответить резко.

Но не смогла.

Потому что именно этим и занималась.

Влюблялась не только в него.

В его сообщения.

В его паузы.

В его фото.

В его сторис, которые могли быть вчерашними.

В его молчание, которому я сама придумывала причины.

Я собирала Брайса по кускам, а потом злилась, что он не складывается в человека, которого легко понять.

* * *

На третий день вечером он написал.

Я сидела на полу в своей комнате, в огромном худи.

На коленях грелся ноутбук, рядом лежал открытый учебник.

Минут двадцать я честно пыталась делать вид, что читаю.

Телефон загорелся рядом.

Врусе: Не верь сторис. Меня там уже не было.

Прочитала.

Потом ещё раз.

И ещё.

Как будто сообщение могло измениться, если смотреть достаточно долго.

Не «прости».

Не «я пропал».

Не «как ты».

Сразу туда, где болело.

Я набрала:

Я: Удобно. У тебя даже исчезновения можно списать на контент-план.

Отправила раньше, чем успела испугаться.

Точки появились почти сразу.

Исчезли.

Потом снова.

Врусе: Можно.

Врусе: Но я не поэтому.

Я смотрела на экран, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Я: А почему?

Он долго не отвечал.

Так долго, что я успела пожалеть о вопросе.

Потом пришло:

Врусе: Лина звонила.

Всего два слова.

Но я сразу вспомнила машину.

Тёмный салон.

Его руки на руле.

Голос, который стал тише, когда речь зашла о семье.

Я: С мамой?

Ответ пришёл не сразу.

Врусе: Да.

Врусе: Всё нормально. Уже.

Я не знала, что значит «нормально» в его мире.

Клиника?

Срыв?

Скандал?

Деньги?

Лина, которая снова тащит всё на себе?

Мне хотелось спросить.

Очень.

Но я вспомнила его:

Не спрашивай.

Через пару минут он прислал не сообщение.

Скриншот.

Размытый, случайный, будто сделанный во время видеозвонка.

Женщина в машине. Тёмные волосы собраны кое-как, лицо бледное, под глазами тени, на пассажирском сиденье валялась пластиковая бутылка воды и какие-то бумаги. Свет от телефона делал её старше, чем она, наверное, была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.